

Наталія Доманчук

актриса

**ДЕДМОРОЗКА,
НЕ УХОДИ!**

Наталия Доманчук

Дедморозка, не уходи!

«Автор»

2026

Доманчук Н.

Дедморозка, не уходи! / Н. Доманчук — «Автор», 2026

Услышать, как жених рассказывает бывшей, что женится на тебе ради денег — больно. Сбежать со своей свадьбы в костюме миссис Клаус — унинительно. Забыться и уснуть в чужом доме — глупо. Проснуться от крика «Папа, у нас под елкой Дедморозка умерла!» — вообще катастрофа. Но иногда катастрофа — это именно то, что нужно. Новогодняя романтическая комедия о том, как потерять жениха и обрести семью.

© Доманчук Н., 2026

© Автор, 2026

Наталия Доманчук

Дедморозка, не уходи!

Глава 1

Красное бархатное платье с белой меховой оторочкой обтягивает фигуру – но отнюдь не соблазнительно, как на Мэрайе Кэри, а так, словно его шили на кого-то существенно миниатюрнее. Шапочка Санта-Клауса съезжает на один глаз, придавая мне слегка пиратский вид. Красные сапоги на каблуках — единственное, что село идеально, хотя ходить в них – всё равно что балансировать на ходулях во время землетрясения.

— Ты выглядишь потрясающе! — выдыхает моя лучшая подружка Даша, и в её голосе столько неподдельного энтузиазма, что я почти верю.

Почти.

А сама стою перед зеркалом и пытаюсь понять, в какой именно момент моя жизнь превратилась в дурной анекдот.

Свадьба-маскарад казалась отличной идеей три месяца назад, когда Антон предложил её с таким азартом в глазах, что отказать было невозможно.

— Это же ирония, детка! — восклицал он, размахивая руками. — Все эти свадьбы с белыми платьями и маршем Мендельсона – одинаковые и скучные, а мы будем другими! Свежими! Незабываемыми!

Теперь, глядя на своё отражение в костюме сексуальной миссис Клаус, я подозреваю, что «незабываемой» моя свадьба станет совсем не по тем причинам, на которые мы рассчитывали.

Мы выбрали ресторан «Зимняя сказка» в сорока минутах езды от Москвы, и выглядит он именно так, как называется — словно рождественская открытка ожила и готова принимать гостей. Гирлянды обвивают каждую доступную поверхность, снег хрустит под ногами, а в углу стоит огромный надувной снеговик с несколько маниакальной улыбкой, который пугает детей и впечатлительных официантов.

Гости начинают съезжаться к пяти часам, и каждый новый костюм заставляет меня всё сильнее сомневаться в коллективном здравомыслии моих друзей и родственников. Тётя Люда в образе Снежной Королевы выглядит скорее как сбежавшая из дома престарелых участница конкурса ледяных скульптур. Дядя Боря, решивший стать оленем, нацепил рога, которые постоянно цепляются за люстры и причёски проходящих мимо женщин. Мамины коллеги из бухгалтерии синхронно нарядились снежинками и теперь кружат по залу, создавая ощущение надвигающейся метели средней тяжести.

И посреди всего этого великолепия мой жених Антон в костюме Снегурочки. Да, именно так: голубой атласный халат, расшитый серебряными снежинками. Длинная коса — слава богу, накладная. И кокошник, украшенный стразами, который переливается под светом гирлянд, как дискотечный шар эпохи восьмидесятых.

«Это же ирония», — напоминаю я себе его слова, глядя, как он позирует для фотографий, жеманно поправляя косу. При этом из-под халата прекрасно видны дорогие мужские брюки.

Конечно же, это ирония!

Церемония должна начаться в шесть, и у меня остаётся ещё сорок минут, чтобы окончательно не сойти с ума от волнения. Я хочу найти Антона, сказать ему что-нибудь нежное и романтическое, может быть, просто постоять рядом и убедиться, что всё это происходит на самом деле и через час я действительно стану его женой.

Я выхожу из комнаты невесты и иду по коридору, лавируя между снежинками из бухгалтерии и чьим-то ребёнком в костюме пингвина, который почему-то рыдает и требует мороженое.

Я шагаю и думаю, что, чтобы понять на плече своего жениха, надо его ещё сначала найти, и тут голос Антона доносится из-за приоткрытой двери подсобного помещения.

— Снежана, ну ты же понимаешь, что это временно, — говорит Антон, и я застываю у этой самой двери. — Её папаша владеет сетью ветклиник по всей Москве. Я встану на ноги, открою свой бизнес – и вернусь к тебе. Она милая дурочка, даже не заметит...

Снежана – это бывшая Антона. Они встречались чуть ли не с детского сада и расстались, как я слышала, буквально за месяц до нашего с ним знакомства.

— Да все будет нормально, – продолжает мой жених. – Оксана мне верит и очень любит меня.

Дышать в этом платье и так тяжело, а теперь вдох будто и вовсе не сделать. Я слушаю и не понимаю – это тоже часть нестандартной программы? Розыгрыш для невесты от жениха?

– Она такая дурочка, ты же знаешь! Конечно, она ни о чем не догадается! Не переживай, дай мне год, и мы снова будем вместе!

Мир останавливается. Или это я останавливаюсь, а мир продолжает вращаться, как сумасшедший диско-шар, не замечая, что где-то в коридоре у подсобки ресторана «Зимняя сказка» только что разбилось чье-то глупое, доверчивое сердце.

Сердце милой дурочки.

Я толкаю дверь. Она распаивается с театральным скрипом, который в другой ситуации показался бы мне комичным.

Антон быстро убирает телефон от уха сразу в карман и смотрит на меня глазами размером с апельсин.

Сюжет переходит в следующую стадию. Сцена немая. Жених бледнеет, но апельсины у него все больше.

— Оксана... — начинает он, и в его голосе появляются те самые бархатные нотки, с которыми он обычно выпрашивал прощение за мелкие проступки.

Опоздание, забывчивость, внезапная смена планов.

Но это не мелкий проступок.

— Милая дурочка всё слышала, — говорю я, и мой голос звучит удивительно ровно для человека, у которого внутри только что взорвалась не праздничная петарда, а атомная бомба. — Свадьба отменяется.

Я разворачиваюсь и выхожу.

За спиной — его шаги, его голос, его жалкие оправдания, но я уже не слушаю. Я иду по коридору, и снежинки из бухгалтерии расступаются передо мной, как море перед Моисеем, рыдающий пингвин замолкает, глядя на моё лицо, и даже дядя Борины рога как-то вжимаются и перестают цепляться за люстры.

Мама перехватывает меня у входа в банкетный зал. К счастью, хоть от её вида сегодня мне не хочется смеяться, иначе этот хохот было бы не остановить до весны.

— Оксана? Что случилось? На тебе лица нет!

— Свадьбы не будет, — говорю я. — Антон женится на мне ради папиных денег. Как выяснилось.

Мамино лицо проходит через все стадии принятия горя за три секунды, после чего она поворачивается к приближающемуся Антону с выражением, от которого сами собой вянут цветы и скисает шампанское.

— Ты, — говорит она голосом, который я слышала только однажды, когда соседский кот разорвал её любимые занавески, — ты, ничтожество в женском платье...

Папа уже рядом, он все слышал – и его кулаки сжаты.

— Я ему сейчас объясню популярно... — начинает он, но мама хватается за руку.

— Нет. Он этого не стоит.

Она права. Он не стоит. Следующие минуты проходят как в тумане. Гости шепчутся. Антон пытается что-то сказать, но папа стоит между нами живой стеной, и его молчание красноречивее любых угроз.

Мама отводит меня в сторону.

— Доченька, давай мы тут останемся, не пропадать же банкету. Все друзья и родственники тут, отметим просто Новый год. А ты поезжай, развейся. Тебе сейчас точно не нужно быть здесь.

Даша и Маша, мои милые эльфы, уже рядом. Верные подруги, которые готовы бросить всё и увезти меня на любых подходящих оленях хоть на край света.

— В машину, — командует Даша. — У моего брата друзья как раз снимают коттедж в посёлке «Снежный», там вечеринка. Ты напьёшься, забудешь этого урода и встретишь Новый год нормально.

Я киваю — мне всё равно, куда, лишь бы подальше от Антона, от его Снегурочкиной косы и его удобной любви.

В машине Маша обнимает меня, а Даша гонит по заснеженной трассе, ругаясь на других водителей с изобретательностью, достойной морского пехотинца.

Я смотрю в окно на мелькающие ёлки и думаю о том, что ещё утром была самой счастливой невестой на свете.

А теперь я просто девушка в дурацком костюме Санты, которая едет неизвестно куда, чтобы напиться и забыть.

С Новым годом, Оксана? С Новым счастьем?

Коттеджный посёлок «Снежный» встречает нас музыкой и светом. Дом, который снял Дашин брат с друзьями, пульсирует басами так, что, кажется, снег на крыше подпрыгивает в такт. Через окна видны силуэты танцующих людей, мелькают гирлянды, кто-то выбегает на крыльцо с бенгальским огнём и радостным воплем.

— Вот это — то, что тебе нужно! — говорит Даша с энтузиазмом массовика-затейника.

Я выхожу из машины прямо в сугроб. Каблуки моих красных сапог проваливаются в снег по щиколотку, и я чуть не падаю, но Маша подхватывает меня под руку.

В моём костюме сексуальной миссис Клаус я идеально вписываюсь в праздничную толпу — никто даже не догадывается, что ещё два часа назад это был свадебный наряд. Здесь все в блёстках, в мишуре, в дурацких шапках и оленьих рогах. Здесь я не брошенная невеста, а просто ещё одна девушка, которая пришла встречать Новый год.

Возможно, Даша права. Я готова проверить.

Кто-то суёт мне в руку бокал с чем-то ярко-красным и подозрительно крепким.

— С наступающим!

Я пью, кто-то другой подливает — и я снова пью. Плохо будет? Ну и пусть...

Музыка грохочет, люди смеются, и где-то между третьим и четвёртым бокалом я понимаю, что вообще-то почти ничего не ела весь день — слишком нервничала перед свадьбой. Мир начинает покачиваться. Становится жарко и душно.

— Мне нужно подышать, — говорю я Даше, но она уже танцует с каким-то парнем в костюме Гринча и не слышит.

Я выхожу на крыльцо. Холодный воздух обжигает лёгкие, но это приятно. Снег падает мягкими хлопьями. Я делаю несколько шагов от дома, чтобы оказаться подальше от шума. Голова кружится, ноги заплетаются, каблуки вязнут в снегу.

Рядом я вижу ещё окна и ещё один вход — только тёмный, тихий. Ни музыки, ни гирлянд, лишь слабый свет в одном окне на втором этаже.

В моём затуманенном сознании рождается, как мне кажется, вполне логичная мысль: это, наверное, задняя дверь того же дома. Просто другой вход. Там будет тихо и спокойно, можно посидеть минутку и прийти в себя.

Я решительно ковыляю к двери. Она не заперта, и я захожу внутрь.

Тут темно, тепло, пахнет хвоей и мандаринами. Где-то тикают часы. В углу угадывается силуэт ёлки — голой, без единого украшения, только наверху что-то блестит, но толком не видно.

Нахожу диван и падаю на него. Натягиваю на себя что-то мягкое, наверное, это плед. Очень хорошо, и плед оставили, вот это забота о гостях.

Единственное, чего я хочу — закрыть глаза и перестать думать об Антоне, о свадьбе, о том, какой милой дурочкой я была.

Мир качается и гаснет, а потом резко зажигается, когда я с трудом разлепляю один глаз.

Надо мной склоняются две детские мордочки. Мальчик и девочка. Они смотрят на меня так, будто увидели инопланетянина.

Мальчик тычет в меня пальцем. Девочка набирает воздух в лёгкие и кричит на весь дом: — Папа! К нам Дедморозка пришла! Но она, кажется, умерла!

Глава 2

Я ненавижу Новый год. Ненавижу каждую снежинку, гирлянду и дурацкую песню про ёлочку, которую в декабре крутят из любого утюга. Ненавижу запах мандаринов, звон бокалов и эти бесконечные пожелания счастья от людей, которые понятия не имеют, что такое настоящее несчастье.

Но больше всего я ненавижу фейерверки.

Каждый взрыв за окном — как выстрел. Каждая вспышка — как напоминание о том, что ровно два года назад мне позвонили из больницы и сказали, что Марина не доехала до дома, что моя жена никогда больше не вернётся — она разбилась в аварии. Тот день разделил мою жизнь на “до” и “после”.

Она ехала за подарками для детей. Варя хотела куклу, которая говорит «мама», Тима мечтал о плюшевом динозавре. Марина нашла и то, и другое в магазине на другом конце Москвы и позвонила мне, счастливая:

— Все купила! Еду домой! Целую!

Это были её последние слова.

Пока все вокруг открывали шампанское и провожали старый год, я ехал в морг. Пока люди обнимались и кричали «С Новым годом!», я смотрел на лицо жены, пытаюсь понять, как это возможно — что утром она смеялась и целовала меня, а сейчас лежит на холодном металлическом столе.

Дети ждали маму с подарками. Им тогда было по три года. Они ещё не понимали, что такое смерть, не понимали, почему папа плачет, почему бабушка забрала их и очень крепко обнимала весь вечер. И почему мама не пришла.

- Мама теперь - звезда на небе, — сказал я им через несколько дней, потому что не знал, как объяснить иначе.

Варя тогда спросила:

— А какая именно звезда? Их же много.

Я не смог ответить.

С тех пор прошло два года. Детям уже шесть. Они помнят маму — смутно, обрывками, но помнят. Тима иногда говорит: «Мама пахла цветами». Варя хранит в блокнотике её фотографию и иногда разговаривает с ней перед сном, думая, что я не слышу.

Но хуже всего то, что сделал этот праздник с моей дочерью. Варя до смерти Марины была другой: хохотушка, болтушка, маленький ураган, который носился по дому и превращал любой день в приключение. Она смеялась так заразительно, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

Теперь она не смеётся. Воспитатели в садике говорят: «Ваша дочь очень серьёзная для своего возраста. Как маленькая старушка». Они думают, что это комплимент, и не понимают, что шестилетний ребёнок никак не должен быть серьёзным. Шестилетний ребёнок должен хохотать, шалить, верить в Деда Мороза и чудеса. А моя Варя разучилась верить. Потому что однажды она ждала маму, а мама не пришла, и никакое чудо её не вернуло.

Это моя вина. Я не знаю, как вернуть ей радость, потому что сам разучился радоваться.

Сегодня тридцать первое декабря, и я делаю то, что делаю каждый год — пытаюсь пережить этот день, как пережил бы зубную боль — стиснув зубы и считая минуты до того, как всё закончится.

Но у меня дети, и ради них я поставил ёлку.

Маленькую, кривоватую, совершенно голую. Ни одного шарика, ни одной гирлянды. Просто ёлка, потому что Варя попросила, а я не смог отказать. Макушку в виде голубой сосульки нам подарил продавец, и я решил её не снимать, раз уж так вышло. Хотя даже смотреть на неё больно, потому что Марина обожала украшать ёлки. Она ставила ель ещё в начале декабря и за пару дней превращала наш дом в филиал рождественской ярмарки.

Я купил мандарины, дети их любят, поставил на стол вазу с конфетами и включил им мультик про снеговика Олафа, потому что они просили «хотя бы немножко Нового года».

Вот он, ваш Новый год: мультик и мандарины. Простите, что больше ничего не могу вам дать.

Часы показывают одиннадцать вечера. Дети засыпают на диване, не дождавшись курантов. Я несу их в детскую, каждого по очереди. Тима бормочет что-то про динозавров, не просыпаясь. Варя обнимает меня за шею, и от этого прикосновения хочется плакать. Но я не могу.

Возвращаясь на кухню, я наливаю себе виски — выпью не чокаясь, не загадывая желаний, потому что какой смысл загадывать, если единственное, чего я хочу — уже невозможно.

За окном начинают грохотать фейерверки. Соседний коттедж, который сняла какая-то шумная компания, буквально пульсирует музыкой и светом. Там вечеринка, там люди празднуют, там всем весело, а я сижу в темноте и считаю взрывы.

«С Новым годом», — говорю я пустой кухне.

Марина не отвечает. Она не ответит уже никогда.

Я допиваю виски и наливаю ещё, потом ещё. В три часа ночи я всё ещё сижу на кухне и смотрю, как за окном догорают последние фейерверки.

Снотворное не поможет. Я знаю, я проверял. И потому просто ложусь в кровать и смотрю в потолок, пока за окном не начинает светать. Первое января. Начинается ещё один год без неё.

Проваливаюсь в сон где-то около шести утра. Тяжёлый, муторный, без сновидений. А потом крик дочери вырывает меня из этого подобия отдыха:

— Папа! К нам Дедморозка пришла! Но она, кажется, умерла!

Что? Какого чёрта?..

Глава 3

Глаза резко распахиваются, и я тут же жалею об этом.

Над моим лицом нависают две детские мордочки — так близко, что я вижу каждую веснушку на носу девочки и молочный зуб, который вот-вот выпадет у мальчика.

— Она моргнула! — радостно сообщает девочка. — Тима, смотри, она моргнула!

Мальчик — это, видимо, и есть Тима — задумчиво склоняет голову набок.

— Мёртвые не моргают. Я читал.

— Ты не умеешь читать!

— Мне папа читал. Это то же самое.

— Нет, не то же самое! Читать самому и слушать папу — это разные вещи! — продолжает спорить девочка.

— Почему разные? Информация одинаковая! – настаивает мальчишка.

Я не удерживаюсь и издаю звук — что-то среднее между стоном и криком ужаса. Голова раскалывается так, будто внутри неё всю ночь репетировал симфонический оркестр, причём исключительно на ударных инструментах. Во рту такое ощущение, словно там ночевала кошка. Возможно, не одна, и обе дохлые.

Что я там думала? Ну и пусть будет плохо? Ну вот...

Дети очень громко орут в ответ на мой стон. Я ору громче, потому что они меня напугали. Они тоже повышают громкость, потому что их напугала я. Получается своеобразный концерт для трёх голосов. Почти соревнование на грани человеческих возможностей.

Мы все слышим топот ног по лестнице – и в гостиную влетает мужчина — взъерошенный, полуголый, в одних пижамных штанах, с выражением лица, которое не предвещает ничего хорошего.

— Что здесь происходит?! — рявкает он, и от этого голоса у меня внутри всё сжимается.

А потом он видит меня, я - его, и несколько секунд в полнейшем молчании мы смотрим друг на друга. Он — на незнакомую женщину в красном бархатном платье с меховой оторочкой, которая валяется на его диване. Я — на полуголого мужчину с очень убедительными мышцами на руках и очень неубедительным количеством праздничного гостеприимства на лице.

— Ты кто? — наконец спрашивает он голосом, которым обычно разговаривают с грабителями и страховыми агентами.

— Я... — начинаю я и понимаю, что понятия не имею, как объяснить своё присутствие здесь. — Это не то, что ты думаешь.

— А что я думаю?

Хороший вопрос. Я бы тоже хотела знать, что он думает. Возможно, тогда я смогла бы придумать убедительное оправдание.

— Папа, это Дедморозка, — встречается девочка, дёргая его за штанину. — Ну ты что, не видишь? Она к нам пришла!

— Технически, — встречается Тима, — она не Дедморозка, а, скорее, миссис Клаус. Это американский персонаж, жена Санта-Клауса. У нас в традиции такого нет.

Все смотрят на него.

— Что? Мне Фиксики рассказывали.

Мужчина переводит взгляд с сына на меня.

— Так. Дети, идите, пожалуйста, на кухню.

— Но папа! — девочка явно не собирается сдаваться и даже топает ножкой. — Тут же интересно! У нас никогда не было мисис... Дедморозки!

— Варя, иди на кухню!

Голос у этого голого мужика такой, что я сама готова убежать на кухню и спрятаться там до конца своих дней.

Маленькая Варя надувает губы, но подчиняется. Тима степенно идёт за ней, но на пороге оборачивается и говорит:

— Если ты будешь её арестовывать, можно посмотреть? Я никогда не видел, как арестовывают.

— Я не полицейский, Тим, – с трудом отмахивается его отец.

— Но ты же взрослый. Вы всё умеете.

— Марш на кухню! – снова рычит этот голый мужик.

Дети исчезают, но я отчётливо слышу Варин шёпот из-за двери:

— Как думаешь, он её выгонит?

— Не знаю. Но она очень красивая. Может, он её оставит.

— С чего ты взял, что она красивая?

— У неё симметричное лицо, а это признак красоты.

— Я кому сказал?! — рявкает мужчина, и шёпот затихает.

Он поворачивается ко мне и скрещивает руки на груди. Я невольно отмечаю, что руки-то у него действительно впечатляющие. Потом напоминаю себе, что сейчас не время оценивать чужую мускулатуру.

— Объясняй, — говорит он коротко.

Я сажусь на диване. Мир немедленно начинает вращаться, как карусель после десяти кругов подряд. Хватаюсь за подлокотник и пытаюсь собрать мысли в кучу, но они разбегаются, как тараканы при свете.

— Вчера была моя свадьба, — начинаю я.

— Поздравляю.

— Которая не состоялась.

— Сочувствую.

— Потому что мой жених оказался мерзавцем.

— Сочувствую ещё сильнее, но при чём тут мой диван?

Логичный вопрос. Я бы тоже хотела знать, при чём тут его диван.

— Мои подружки привезли меня на вечеринку в.. — я со вздохом пытаюсь прямо с места посмотреть в окно, — видимо, соседний коттедж. Я немного выпила...

— Немного?

— Ладно, много. Мне стало плохо, я вышла подышать... и, кажется, перепутала двери. Ну, всё.

Он смотрит на меня, как на инопланетянина, который приземлился в его гостиной и пытается объяснить, что на самом деле он просто заблудился по дороге к Альфе Центавра. Мол, ничего такого, это бывает, сейчас заведу межпланетный драндулет и усвищу отсюда.

— Перепутала дверь, — повторяет он медленно. — Ты с голой вечеринки?

Я закатываю глаза:

— Нет, к голой вечеринке я не имею никакого отношения. Просто было темно! И я была... не совсем в себе. Я думала, что это другой вход в тот же дом.

— В тот же дом? — переспрашивает мужик.

— Да.

— Который не этот.

— Который не этот, — киваю я, но уже на ходу понимаю, что делать это надо осторожно.

Он вздыхает:

— Ты хоть понимаешь, как бредово это звучит?

— Понимаю. Но это правда.

Он трёт переносицу и тяжело вздыхает.

— Слушай, — говорю я, пытаюсь встать, — я сейчас уйду. Извини за вторжение. Это была ошибка, я...

Я встаю, но этот мир кренится, пол уходит из-под ног, я хватаюсь за спинку дивана и понимаю, что если отпущу, то упаду.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и в его голосе впервые появляется что-то, отдалённо напоминающее беспокойство.

— Абсолютно, — вру я, чувствуя, как желудок делает тройное сальто.

И тут в гостиную врывается Варя, полностью игнорируя папин запрет.

— Папа! Папа! — кричит она, подпрыгивая от возбуждения. — Она же Дедморозка! Смотри, она в костюме! Она к нам пришла! К нам! Понимаешь?!

— Варя, я же сказал...

— Но папа! Это же чудо! — Варя хватается его за руку и смотрит снизу вверх такими огромными глазами, что у меня сжимается сердце.

Все дети что-то лепечут про чудеса и волшебство, но тут это выглядит... как-то уж очень трогательно. Я замираю.

— Настоящее новогоднее чудо! – торопится девочка. – Мы загадывали праздник, и вот — она пришла! Прямо к нам! Не к кому-нибудь, а к нам!

Тима появляется рядом с сестрой.

— Статистически, — говорит он, — вероятность того, что незнакомая женщина в костюме рождественского персонажа случайно окажется именно в нашем доме, очень мала. Может быть, все действительно так, как говорит Варя. И, может быть, — он поднимает палец вверх, — это знак!

— Какой ещё знак? — спрашивает их отец.

И я буквально чувствую его усталость. Тоже какую-то... особенную.

— Не знаю. Но в книжках всегда есть знаки. И они всегда что-то значат.

Варя подбегает ко мне и хватается за руку.

— Пожалуйста, Дедморозка, не уходи! У нас так давно не было праздника, папа не любит Новый год, у нас даже украшений нет, только ёлка, и она голая и грустная, и мне так хочется, чтобы было как у других детей, с гирляндами и песнями, и...

— Варя, — тихо говорит отец.

— Я просто хочу праздник, папа! — У неё в глазах появляются слёзы. — Хоть один раз! Хоть маленький!

Тима подходит ко мне с другой стороны.

— Я тоже хочу, чтобы ты осталась, — говорит он серьёзно. — Ты красивая. И у тебя симметричное лицо. И ты не кричала на нас, когда проснулась. Мама тоже никогда не кричала.

Я смотрю на этих детей — на девочку, которая отчаянно хочет праздника, и на мальчика, который ищет логические объяснения всему на свете, и мне отчаянно хочется побыть с ними. Потом смотрю на их отца — на его усталое лицо, на тени под глазами, на то, как он смотрит на дочь, словно та улыбается впервые за долгое время — и понимаю, что у него есть история, которую я пока не понимаю.

Но явно важная и сложная.

— Что вы хотите, чтобы Дедморозка вам сделала? — наконец спрашивает он у детей. — Сплясала? Спела песню?

Я открываю рот, чтобы возразить, но не могу. Хотя ужасно не люблю, когда обо мне говорят в третьем лице, да еще, и не согласовав со мной, решают, что я буду делать.

Я в такую самостоятельность точно не записывалась!

— Мы хотим, чтобы она осталась! — выпаливает Варя. — Навсегда!

Глава 4

— Мы хотим, чтобы она осталась! — выпаливает Варя. — Навсегда!

— Навсегда — это долго, — замечает Тима. — Может, для начала на завтрак?

Я, наконец, обретаю дар речи:

— Простите, но я не могу остаться. Мне нужно найти подруг, забрать вещи и...

— А где твои вещи? — перебивает Варя.

— Скорей всего, в соседнем коттедже. Где им и положено быть... как и мне.

Последнее я говорю уже совсем тихо, только для их папы.

— Так сходи и забери! — предлагает мальчишка.

— Да я... — я замолкаю, потому что понимаю очевидное. — Я бы лучше, наверное, домой поехала, но у меня нет ни телефона, ни вещей...

— То есть ты застряла? — уточняет Тима с видом учёного, который только что подтвердил гипотезу.

— Я бы сказала, что я временно нахожусь в затруднительном положении.

— Это то же самое, что застряла, только длиннее, — констатирует он.

Варя поворачивается к отцу и складывает руки в молитвенном жесте:

— Папочка! Ну пожалуйста! Ты видишь? Он же застряла! На улице холодно! Она замёрзнет! И умрёт! И тогда у нас во дворе будет труп Дедморозки – и все подумают, что это мы её убили!

— Никто так не подумает, — вздыхает отец.

— Подумают! Соседи точно подумают! Они и так нас не любят!

— Это потому что ты в прошлый раз залезла к ним в сад и съела всю их малину.

— Я думала, она ничья!

— Малина в чужом саду? – поднимает бровь Тим.

— Она была очень вкусная, — Варя явно не видит в этом проблемы. — Но сейчас не про малину, она только летом бывает! Сейчас про Дедморозку! Пап, ну пожалуйста!

Тима подходит к отцу и серьёзно смотрит ему в глаза:

— Папа, я проанализировал ситуацию. У этой женщины нет телефона, нет денег, нет одежды, кроме этого костюма. На улице минус пятнадцать. Если мы её выгоним, она с высокой вероятностью получит обморожение. Это будет на твоей совести.

— С каких пор ты знаешь слово «совесть»? – хмурится отец.

— С тех пор, как ты объяснял мне, почему нельзя забирать чужие игрушки в садике.

Отец смотрит на детей, потом на меня, потом снова на детей и вздыхает.

Варя делает глаза ещё больше. Я даже не думала, что это физически возможно.

— Один день, — наконец говорит он. — Пусть она остаётся на один день, пока не разберётся со своими делами.

Варя издаёт визг такой частоты, что где-то, наверное, лопаются стёкла. Но здешние, вроде, целы – как и наши уши, иначе мы бы не услышали всё то, что случается дальше.

— Спасибо, папочка! Спасибо-спасибо-спасибо! — она бросается ему на шею, потом бросается ко мне, потом снова к нему, не в силах выбрать, кого благодарить больше.

Тима же степенно подходит ко мне и протягивает руку для пожатия:

— Добро пожаловать. Меня зовут Тимофеем, но можно Тима. Туалет по коридору налево. Не пей воду из-под крана и не кури папины сигары.

— Тима! — возмущается отец.

— Что? Я просто предупреждаю. Это называется «гостеприимство».

— Это называется подрыв родительского авторитета.

— Авторитет не подрывается от правды, — философски замечает Тима. — Он подрывается, если врать.

Отец открывает рот, закрывает, снова открывает.

— Ему шесть лет, — наконец говорит он, обращаясь ко мне. — Шесть! Иногда я думаю, что он на самом деле сорокалетний профессор в маленьком теле.

— Мне нравится эта теория, — кивает Тима. — Она объясняет, почему мне так скучно в садике.

Варя хватается меня за руку:

— Пойдём, я покажу тебе дом и Барсика!

— Кто такой Барсик?

— Наш кот! Он толстый и рыжий, и царапает всех, но, может, тебя не будет, потому что ты в красном, а он любит красное!

Ещё одна интересная теория.

— Он не любит красное, — тут же поправляет Тима. — Он дальтоник. Все коты – дальтоники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.